

Е. В. Киселева

**ПОЛИТИКА ЯКОБИНСКОЙ ДИКТАТУРЫ
в ОБЛАСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ТОРГОВЛИ и ПРОМЫШЛЕННОСТИ
весной-летом 1794 года**

**В сб. «Французская революция XVIII в.: экономика, политика, идеология»
М.: Наука. 1988.**

Веб-публикация: редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения* 2009

С победой народного восстания 31 мая—2 июня 1793 г. в Париже Великая французская революция вступила в высший этап развития, определяющей чертой которого было установление якобинской революционно-демократической диктатуры. Приход к власти якобинцев ознаменовал изменение принципов управления экономикой страны. Это событие обусловило переход от экономического либерализма, защищаемого жирондистами, к мерам государственного регулирования торговли и производства.

Рассмотрение экономической политики якобинской власти имеет первостепенное значение для определения ее природы. Принятый 29 сентября 1793 г. [закон о всеобщем максимуме цен на продовольствие и предметы первой необходимости](#), который лег в основу государственной регламентации, отразил стремление народных масс к социальной справедливости. В мероприятиях якобинского правительства отчетливо проявился уравнительный характер. Советские историки, уделяя много внимания изучению движения крестьянства и городского плебейства, тщательно исследовали роль всеобщего максимума в продовольственной политике якобинцев¹. Н.М.Лукин, А.В.Адо показали сопротивление сельской буржуазии и зажиточного крестьянства введению твердых цен на зерно и продукты питания. Гораздо меньше изучался вопрос об отношении торгово-промышленной буржуазии к всеобщему максимуму цен². Между тем вмешательство якобинского Конвента в деловую жизнь страны представляет важную сторону его деятельности, без учета которой невозможно глубокое раскрытие социального характера революционного правительства. Исследование позиции буржуазии в якобинский период необходимо также для понимания сущности 9 термидора. В этой связи чрезвычайно важно показать в каком положении оказались собственнические слои накануне термидорианского переворота. В советской исторической науке экономическая политика якобинцев получила различное толкование. Г.С.Фридландом, а затем и П.П.Щеголевым было высказано мнение, что в декретах Конвента в вантозе II года, смягчавших сентябрьское законодательство о максимуме в области промышленности и торговли, восторжествовала свобода капиталистического накопления³. Существует и другая оценка этих постановлений: Н.М.Лукин, К.П.Добролюбский, В.А.Дунаевский, А.З.Манфред, А.В.Адо, В.С.Алексеев-Попов, В.М.Далин⁴, указывая на ослабление системы максимума в вантозе II года и отмечая неудовлетворенность малоимущих и неимущих элементов города и деревни противоречивой политикой якобинцев, вместе с тем подчеркивают, что в их социально-экономическом курсе не произошло коренного поворота. Якобинская диктатура в основном и существенном продолжала оставаться революционно-демократической. По-иному подходит к этой проблеме В.Г.Ревуненков. Он считает якобинскую диктатуру властью буржуазного типа. По его мнению, в марте—апреле 1794 г. установилось единовластие буржуазии. Однако, говоря об ослаблении весной 1794 г. максимума, В.Г.Ревуненков отмечает, что «городской и сельской буржуазии, а также зажиточному крестьянству мало было тех мер по смягчению максимума на товары, которые Конвент декретировал после казни эбертистов. Этим классам нужна была полная ликвидация и максимума, и реквизиций, и всех прочих ограничений „свободы торговли“, мешавших им еще больше наживаться за счет трудового люда»⁵.

Во французской историографии политику государственной регламентации Конвента наиболее полно исследовал А. Матьез⁶.

Для нашей темы большое значение представляли также труды Ж.Лефевра и А.Собуля. Экономической обстановке II года Ж. Лефевр посвятил две статьи⁷, из которых ясно, сколь огромна была роль государства в регулировании производства и обмена. А.Собуль в труде «Первая республика» выпукло обрисовал основные черты управляемой экономики во II году. Перемены в социальной линии якобинцев он оценивает под углом зрения их взаимоотношений с санкюлотами, полагая, что к этому времени наметилась новая экономическая политика и одновременно увеличился разрыв между революционным правительством и народным движением. Однако А.Собуль отмечает, что вплоть до 9 термидора вмешательство государства в хозяйственную жизнь оставалось значительным. В отмене после термидора управляемой экономики II года проявился, по его мнению, социальный характер термидорианской реакции⁸.

Следует подчеркнуть, что в работах, затрагивающих в той или иной степени экономическую политику Конвента в последние месяцы якобинской власти, анализируются главным образом изменения, внесенные декретами в вантозе II года в сентябрьское постановление о всеобщем максимуме. Гораздо меньше историки интересовались вопросами, касающимися действия системы государственного регулирования в последние месяцы якобинской диктатуры на основе законодательства о всеобщем максимуме.

Е. В. Киселева

Мы рассмотрим вантозские законы якобинского Конвента о максимуме, функционирование режима регламентации революционного правительства в области торговли и промышленности с весны 1794 г. до термидорианского переворота. Но, прежде чем приступить к основной теме, остановимся на сентябрьском законодательстве, в которое вантозскими декретами были внесены поправки.

Весной 1793 г. под влиянием резкого повышения цен на хлеб и колониальные товары народное движение за таксацию цен на предметы первой необходимости приняло широкий размах. Решающую роль в нем играли плебейские массы, возглавляемые «бешеными», настойчиво добивавшимися с весны 1792 г. от жирондистского Конвента декретов против дороговизны. Поддержка якобинцами весной 1793 г. требования ограничения свободы торговли придавала наступлению масс открыто антижирондистский характер. Первым успехом в борьбе городских низов за максимум явился декрет Конвента от 4 мая 1793 г., устанавливавший твердые цены на зерно и муку. В ходе совместной борьбы якобинцев и парижских секций против жирондистов складывался блок якобинцев с плебейскими элементами города и деревни, что явилось важнейшей предпосылкой свержения Жиронды в ходе восстания 31 мая—2 июня 1793 г.⁹

Перелом в социальной политике якобинцев, как известно, произошел осенью 1793 г. Под энергичным натиском парижского плебейства, устроившего грандиозную манифестацию 4—5 сентября, в которой активное участие приняли строительные рабочие и ремесленники, якобинский Конвент принял 11 сентября закон единых твердых цен на зерно, муку, фураж, а 29 сентября — декрет о всеобщем максимуме на предметы первой необходимости.

Максимум, введенный якобинцами, существенным образом отличался от таксации при Старом порядке. Требование установления принудительных цен было основным лозунгом народных волнений, постоянно вспыхивавших во Франции на всем протяжении XVIII в. Однако до революции восставшие выступали за частичное нормирование цен в отдельных местностях — на пшеницу, хлеб, муку. В сентябрьском законодательстве Конвента ярко воплотились эгалитаристские идеалы народных масс, их стремление к вмешательству государства в социально-экономические отношения¹⁰. Впервые во время якобинской диктатуры борьба плебейства за изобилие и дешевизну продовольствия увенчалась установлением всеобщего контроля над обращением товаров на территории всей республики.

По закону от 29 сентября максимум распространялся на большинство продуктов питания, а также на древесный и каменный уголь, дрова, свечи, кожу, железо, чугун, олово, сталь, медь, пеньку, на ткани, мыло, табак.

Распространение максимума цен на промышленные изделия, сырье действительно диктовалось экономической обстановкой. С конца 1791 г. положение промышленности стало ухудшаться. В основе спада производства лежал кризис, переживаемый сельским хозяйством. «Революция, — писал Э.Лабрусс, — знала только один год „экономического мира”¹⁰, начавшийся в июле 1790 г. и продолжавшийся до середины 1791 г. Упадок приходился на конец Старого порядка, примерно на 1778—1787 гг. Кризис, разразившийся после короткой передышки, достиг своей высшей точки в 1789 г. и длился всю первую половину 1790 г. Хороший урожай вновь оживил экономику во втором полугодии 1790 г. благодаря деловой активности, наблюдавшейся в начале инфляции. Такое положение сохранялось до начала 1791 г. Но эта новая передышка была очень кратковременной. Отрицательное воздействие на экономику неурожая, явившегося основным фактором болезненных явлений, усугубилось инфляцией, которая, порождая обстановку неустойчивости внутри страны, утечку капиталов, привела осенью к экономическим затруднениям»¹¹. Трудности, испытываемые экономикой в течение всего 1792 г., переросли весной 1793 г. в кризис, поставивший под угрозу судьбу республики¹². Инфляция, особенно усилившаяся с началом войны весной 1792 г. против европейских монархов, отражалась на состоянии всех секторов экономики. В Монтобанае в июне 1793 г. по сравнению с 1790 г. цены на железо поднялись на 60%, на шерсть и шелк удвоились. Еще значительно возросли цены на кожу, лес, свечи, а также на уголь и дрова¹³. Дороговизна, падение стоимости ассигнатов ставили улучшение экономического положения в строгую зависимость от того, удастся ли государству сдержать спекулятивную стихию. Разрешение продовольственного и экономического кризиса являлось осенью 1793 г. одним из главных условий успешного ведения войны с европейскими монархиями, а следовательно, и победы революции.

В критический для республики момент якобинцы почувствовали неотложность принятия чрезвычайных мер. Барер 11 брюмера (1 ноября) в Конвенте обвинял департаментские власти в защите экономической свободы: «Мы видим, — говорил он, — как департамент, отстаивающий принцип, пригодный для мирного времени, считает гибельным закон о максимуме»¹³. Введение твердых цен он мотивировал чрезвычайным вздорожанием продовольствия, а также «внезапной и опасной дороговизной предметов первой необходимости». Таксация, по его мнению, являлась преградой «против потока преступных спекуляций крупных собственников, против жадности торговых капиталистов. «Среди этих бедствий, — продолжал Барер, — законодатель не может не признать необходимость установить в первую очередь максимум на продовольствие и зерно»¹⁵. Сен-Жюст обосновывал, в частности, связь между установлением временного революционного правительства до заключения мира и введением максимума: «Сила обстоятельств, — заявил он, — делает таксацию неотложной»¹⁶. Проведение закона о всеобщем максимуме потребовало от Комитета общественного спасения решительного вмешательства в экономическую сферу. Сопrotивление имущих слоев ограничительной политике правительства заставило его регламентировать торговлю и производство, прибегать к реквизиции, сосредоточить в своих руках всю внешнюю торговлю. Созданная в октябре 1793 г. Центральная комиссия продовольствия получила право распоряжаться всеми продовольственными запасами, промышленными изделиями, сырьем, ведать импортом и экспортом республики.

В конце февраля 1794 г. Конвент принял декреты, изменявшие сентябрьское законодательство о твердых ценах. Эти декреты повлияли на экономическую политику якобинцев весной и летом этого года¹⁷.

Закон от 29 сентября 1793 г. предписывал дистриктам фиксировать цены по месту продажи товаров без учета расходов по их перевозке и выручки розничных и оптовых торговцев. Такой принцип исчисления цен вызвал критику якобинцев. Комиссар Конвента Альбит сообщил в октябре из Лиона: «Он (максимум. — *Е.К.*) задуман таким образом, что торговец в розницу не может иметь даже честную прибыль и потому больше не закупает продукты и прекращает торговлю»¹⁸.

Робеспьер также считал одним из недостатков сентябрьского максимума то, что он не предусматривал вознаграждение мелких торговцев. В записной книжке он пометил: «Установить цены на товары оптовых торговцев таким образом, чтобы и розничный торговец мог продавать»¹⁹. Нормирование цен на товары дистриктами повлекло большой разницей в стоимости одних и тех же продуктов в различных районах страны. Многие товары исчезли из обращения, поскольку торговцы, естественно, предпочитали везти их в те места, где максимум был выше. Уже 11 брюмера II года (1 ноября 1793 г.) Барер от имени Комитета предложил Конвенту декрет, пересматривающий закон о таксации²⁰. Центральной комиссии продовольствия поручалось унифицировать максимум по всей стране и составить единую таблицу цен на товары по месту их производства. Эта грандиозная работа была закончена к вантозу II года.

Обсуждение новых статей максимума проходило в Конвенте 3—6 вантоза (21—24 февраля). В отличие от сентябрьского постановления закон был смягчен. Твердые цены устанавливались, как и по декрету от 29 сентября, на одну треть выше средней цены 1790 г. Но теперь в соответствии с декретом от 11 брюмера розничным торговцам полагалась прибыль в размере 10%, оптовым 5%. Конвент отклонил инструкцию Центральной комиссии продовольствия об общей таблице максимума от 6 вантоза, по которой прибыль оптовым и розничным торговцам исчислялась из стоимости товаров без включения расходов по перевозке. Хотя Барер признал, что издержки на перевозку составляли зачастую четверть и даже треть цены товаров, тем не менее он настоял на том, чтобы они входили в стоимость товаров²¹. Такой принцип определения стоимости был выгоден продавцам. Образование в апреле 1793 г. Комиссии торговли и снабжения и Комиссии земледелия, ремесел и мануфактур вместо Центральной комиссии продовольствия должно было подчеркнуть намерение правительства отныне больше уделять внимания нуждам торговли и промышленности. Об ослаблении режима максимума в пользу деловой буржуазии заявил в Конвенте 26 жерминаля (15 апреля) Сен-Жюст, объявивший условием возрождения изобилия восстановление гражданского доверия²².

Весной 1794 г. Комитет расширяет внешнеэкономические связи, привлекая торговцев к участию в экспорте. Об этом возвестил в Конвенте Барер, утверждая, что «не следует рождающейся республике изолировать себя и отказываться от всех торговых сношений»²³. До этого времени с ноября 1793 г. внешнюю торговлю осуществляла Центральная комиссия продовольствия. Отныне Комитет обращался к торговцам с просьбой «употребить свой опыт, чтобы содействовать производству продуктов и товаров, в которых нуждается республика, и экспортировать их излишки»²⁴. Разрешая импорт и экспорт частным лицам, правительство хотело увеличить ввоз в страну продуктов и сырья, в которых оно остро нуждалось.

Первым шагом Комитета — в целях оживления внешней торговли — было постановление 21 вантоза (11 марта) о снятии эмбарго с товаров, находившихся во французских портах с августа 1793 г. на судах, принадлежавших купцам из нейтральных стран. В постановлении говорилось и о возмещении собственникам понесенных ими убытков²⁵. 23 вантоза (13 марта) последовал декрет, позволивший купцам крупных приморских портов Марселя, Бордо, Нанта, Ла-Рошели, Сан-Мало, Гавра, Дюнкерка вывезти колониальные товары и предметы роскоши в количестве, указанном в этом постановлении²⁶. Так, бордоские негоданты могли вывезти на 4 млн ливров вина, водки, на 8 млн — кофе, на 2 млн — предметов роскоши²⁷.

Чтобы облегчить проведение операций, Центральная комиссия продовольствия отзывала своих агентов, посланных за границу в ноябре 1793 г. в качестве посредников при заключении сделок: они уступали место представителям коммерческих агентств, образованных в крупных торговых центрах.

В агентства вошли местные негоцианты, «честность и осведомленность которых, по мнению Комиссии, заслуживают доверие республики и которые более сведущи в делах, полезных торговле»²⁸. Комиссия призывала агентства «употребить все средства для создания атмосферы доверия, а также побуждать торговцев и фабрикантов к их обычным занятиям и к заключению торговых сделок»²⁹. В Марселе начиная с вантоза развивает деятельность агентство стран Африки, осуществлявшее торговлю с оставшимися колониями Франции на этом материке. В условиях войны правительство активизировало торговлю с нейтральными странами. Комиссия разрешила создание в Бордо Комитета нейтральных стран и передала ему право на внешнюю торговлю. Весной—летом II года упрочивались экономические связи с Североамериканскими штатами, Гамбургом, Данией, Швейцарией (Базелем, Женевой), Голландией и Генуей³⁰. Установление большей свободы в торговле соответствовало желанию крупной торгово-промышленной буржуазии, понесшей колоссальные убытки из-за сосредоточения внешней торговли в руках правительства. Выступая в Конвенте 11 марта, Барер откровенно говорил о тех преимуществах, которые сулит буржуазии возобновление торговых сделок: «...наличие запасов продуктов питания и промышленных изделий, превышающих нужды страны, окажется губительным для собственников, если экспорт не будет разрешен»³¹.

Наряду с расширением внешнеэкономических отношений Конвент смягчил действие сентябрьского законодательства, касавшегося промышленности. В условиях застоя производства, дороговизны, недостатка сырья, низкого курса ассигнатов часть буржуазии была заинтересована в регламентационной политике Конвента. **Уже Учредительное и Законодательное собрания отступили от строго либеральных принципов, чтобы воспрепятствовать росту цен на сырье и обесценению ассигнатов.** Так, Законодательное собрание в феврале 1792 г. временно запретило экспорт зерна, шерсти, пеньки и хлопка. Как верно отметил А.Матьез, это решение свидетельствовало о том, что не одни только потребители, но и часть промышленников искали в государственной регламентации средство спасения³². Однако всеобщий максимум нанес удар многим предприятиям, которые еще как-то могли преодолевать трудности из-за недостатка сырья. Протоколы Комитета земледелия и торговли Конвента содержат многочисленные упоминания о петициях промышленников, сообщавших о потерях, понесенных ими в результате введения максимума 33. Объявление о максимуме взволновало фабрикантов полотняной промышленности в Вуороне и Мансе, опасавшихся снижения цен. В плювиозе II года дистрикт Изер доносил, что большинство предпринимателей предпочитает бездействовать из-за боязни разорения в результате уменьшения цен на холст³⁴. Ослаблением системы максимума правительство хотело поощрить фабрикантов, прекративших производство, возобновить деловую активность. По докладу Сен-Жюста 26 жерминаля Конвент принял декрет о предоставлении им субсидий³⁵. В центре внимания правительства оказалось производство предметов роскоши, в основном на экспорт. В прериале Комитет общественного спасения предложил Комитету торговли и земледелия Конвента разработать проект закона о восстановлении этой отрасли в Лионе³⁶.

Поддерживая промышленность, выпускавшую предметы роскоши, Комитет освободил производство дорогих тканей — батистовых, муслиновых, газовых, кружевных и шелковых, изделия из слоновой кости, черепахового панциря, перламутра и т.п. от максимума³⁷. Отныне на них устанавливались свободные цены. В некоторых случаях Комитет поднимал цену на товары и сырье по сравнению с вантозскими таблицами максимума.

Так, он повысил цены на мыло, изготавливавшееся в мыловарнях Марселя, Тулузы³⁸, на бумагу — в дистриктах Амбер и Тьер³⁹, на сукно — в Лодеве, Каркассоне, Эльбефе, на шерсть — в Мортане, на булавки — в Рюгле⁴⁰, на железо — в Дарней и на уголь, добываемый на шахте Бланзи⁴¹. Повышая по просьбе фабрикантов Лилля на 10% стоимость крученой пряжи в этом городе, Комитет распространил это увеличение по всей республике⁴². Летом II года он зафиксировал цену на ряд товаров, не включенных в максимум, на льготных для промышленников условиях. В июне, введя твердые цены на бочки, он рекомендовал национальным агентам брать за основу определения максимума самую высокую цену, когда-либо бывшую на бочки с 1785 г. по 1792 г.⁴³

Изменения в применении всеобщего максимума сочетались с ослаблением контроля за его исполнением. Торговцам было разрешено закупать продукты в других коммунах. Особенно большие льготы предоставлялись мелким собственникам. Декрет от 12 жерминаля (1 апреля) освобождал розничных торговцев от обязанности оставлять декларации о наличии товаров⁴⁴. Одновременно Конвент отменил ряд репрессивных мер против нарушителей максимума.

В жерминале была упразднена должность комиссаров по борьбе со спекуляцией, распущена парижская революционная армия, смягчен закон 27 июля 1793 г. о спекуляции.

Vive Liberta и Век Просвещения

Декреты Конвента весной 1794 г. носят двойственный, противоречивый характер. Они меньше, чем сентябрьское законодательство, защищали интересы малоимущих и неимущих слоев, представлявших наиболее массовую силу в широком движении за таксацию. Смягчение наказаний за нарушение закона о максимуме ослабляло надзор за его соблюдением в тот момент, когда простой люд, страдавший весной 1794 г. от острого недостатка продовольствия, требовал усиления борьбы со спекулировавшей буржуазией. В петиции Конвенту 23 февраля 48 парижских секций настаивали на строгих мерах против скупщиков⁴⁵. Новые таблицы максимума, повышавшие твердые цены, плебейство Парижа встретило с разочарованием. Полицейские наблюдатели сообщали о жалобах простого люда на дороговизну продуктов. «Те, кто живет своим трудом, — говорилось в донесении, датированном вантозом, — убеждены, что закон задуман в пользу торговцев и ничего не дает народу. Торговцы гораздо меньше возмущаются новыми расценками, чем во времена первого (сентябрьского. — Е.К.) максимума»⁴⁶. Именно в это время якобинцы начали строго следить за соблюдением максимума зарплаты. Вантозские декреты оставляли его прежним. Как и по закону 29 сентября, твердые ставки зарплаты увеличивались вдвое по сравнению с уровнем 1790 г. В жерминале революционное правительство казнило эбертистов, использовавших в своей политической агитации требования парижских секций о неуклонном применении таксации. Для политики якобинцев этого периода характерно преследование секционных обществ, что уменьшало активность плебейских масс, бывших самой надежной их опорой в осуществлении регламентации.

Отступив от жесткого курса в проведении всеобщего максимума, намечавшегося при его введении в сентябре 1793 г., якобинский Конвент пошел лишь на известные уступки собственникам. В целом Комитет продолжал политику государственного регулирования и торговли и производства. Весной он вел борьбу с дантонистами, вокруг которых группировались представители новой буржуазии, стремившиеся ликвидировать «стеснительные» меры и прекратить террор.

Экспорт колониальных товаров и предметов роскоши, разрешенный купцам, осуществлялся под контролем правительства. Сделки могли заключаться лишь с ведома Комитета. Он был последней инстанцией, куда Комиссия торговли и снабжения представляла все материалы, касавшиеся внешней торговли, поступавшие от коммерческих агентств. Поскольку к маю 1793 г. в Бордо, Марселе, Нанте, Париже и других городах экспортные поставки в объеме, предусмотренном постановлением от 23 вантоза, еще не были выполнены, Комитет в особом указе подчеркивал что если продажа этих товаров не нуждается ни в каком дополнительном разрешении, то на заключение новых сделок необходимо его согласие⁴⁷.

Якобинское правительство лишало купцов возможности свободно владеть ввозимыми товарами. Весь импорт находился в распоряжении Комиссии торговли и снабжения, которая могли реквизируют по ценам максимума необходимые республике товары⁴⁸. По приказу Комитета в портах — Бордо, Рошфор, Ла Рошель, Нант, Лориан, Брест, Мало, Шербур, Гавр, Дьепп, Кале Дюнкерк, Марсель — бюро таможен и торговые агентства ведали учетом продукции, предназначенной на продажу за границу Агентства требовали предъявления декларации с подробным перечислением экспортируемых товаров, их качества и количества с указанием пункта назначения. Все эти декларации пересылались ежедневно в Париж в Торговое агентство. Если обнаруживалась контрабанда, то она конфисковывалась. За разрешение продажи товаров за границу негоданты вносили аванс государству в валюте той страны, с которой они вели торговлю. За право импорта они обязаны были экспортировать товары на ту же сумму⁴⁹. Правительство отнимало у купцов значительную часть прибыли — две трети валюты, выручаемой от торговли⁵⁰. В июле парижский купец Сеполина получил разрешение вывезти в Женеву предметы роскоши на сумму 30 млн золотом - при условии, что две трети вырученных им денег он передаст Комиссии торговли и снабжения⁵¹. Упразднение Конвентом в августе 1793 г акционерных компаний серьезно затрудняло торговые операции. На основании доклада Сен-Жюста 26 жерминаля был утвержден окончательный декрет об упразднении Ост-Индской компании. В первом же пункте декрета говорилось, что финансовые общества упразднены Банкирам, купцам и другим лицам запрещалось основывать учреждения подобного рода⁵². Крайне невыгодным для торговцев было сохранение максимума. Покупка ими товаров на внешнем рынке за звонкую монету и продажа их по нормированным ценам грозили им разорением.

Конвент по-прежнему рассматривал всеобщий максимум как законодательство, регулирующее экономическую жизнь. За исключением производства предметов роскоши, твердые цены сохранялись во всех отраслях промышленности. Увеличив на 10% расценки на холст, Комитет, однако, не освободил от максимума эту промышленность Е.В.Тарле справедливо заметил по этому поводу: «отменить закон о максимуме для всей этой отрасли нельзя было так легко, как это было сделано относительно батистовых и тому подобных материи. Здесь это означало бы сдачу на капитуляцию, ибо, освободив холст от максимума, не было бы никакого основания сохранять этот закон для шерстяных, кожаных изделий, для съестных припасов и т.д.»⁵³ Комитет издал постановление, закреплявшее применение максимума для промышленных изделий, вновь включаемых им в таблицу твердых цен. Определяя свою политику как покровительствующую национальному производству и выражая самые оптимистические надежды на возрождение мануфактур, призванных в будущем стать «образцом для Европы», он распространял максимум на ткани мануфактуры де Сане, не вошедшие в вантозские таблицы⁵⁴. Как уже говорилось, на некоторые товары Комитет устанавливал цены выше зафиксированных в вантозских таблицах максимума. Но повышение цен проводилось им в определенных пределах Новые цены на товары закреплялись в таблицах Часто исключение из таблицы какого-либо товара было временным, что и отмечалось в соответствующих постановлениях. На скобяные товары коммуны Арм(департамент Сент-Этьен) максимум отменялся временно на два месяца⁵⁵. Цены на булавки, изготовляемые в Рюгле, повышались также лишь на два месяца⁵⁶. Правительство удовлетворяло не все просьбы дистриктов, муниципалитетов и частных предпринимателей о пересмотре максимума. Мастера Орлеана, изготовлявшие замшу, а также сапожники, торговцы железом, виноделы обратились через муниципалитет в Комитет с просьбой изменить максимум на свою продукцию, но не получили ответа⁵⁷.

Реквизиции, проводимые правительством по ценам максимума, значительно урезали свободу предпринимателей. В то время как в частной торговле находилось множество путей для обхода закона о максимуме, в промышленности, где проводились реквизиции, уклониться от закона было труднее. До весны 1794 г. правом реквизиции пользовались власти дистриктов, муниципалитетов. В плювиозе II года Конвент принял декрет, по которому только центральные власти — Комитет общественного спасения, Комиссия продовольствия и снабжения, а после ее роспуска Комиссия торговли и снабжения могли осуществлять реквизиции промышленных предприятий. Лишение местной администрации права проводить реквизиции сократило их число. Однако правительство, сохранив за собой реквизиционное право, широко им пользовалось. Чтобы поддержать устойчивые цены на готовую продукцию, оно прилагает огромные усилия по обеспечению фабрикантов сырьем посредством реквизиций, производимых Комитетом по расценкам максимума. Распоряжения Комитета, Центральной комиссии по довольствию, а затем Комиссии торговли и снабжения раскрывают эту сторону деятельности якобинского Конвента. Ежедневно на заседаниях Комитета и его Комиссий по докладам Комиссии вооружения и пороха, администрации по экипировке и снабжению обмундированием армии, а также на основе петиций, исходящих от местных властей, принимались решения о реквизициях сырья различных промышленных товаров. На заседании 21 жерминаля (10 апреля) Комиссия продовольствия и снабжения приказала департаменту Сена и Уаза поставить кожевнику Ори в Париже выделанную кожу Дистрикт Ла-Монтань-дю-Бон Эр (бывший Сен Жермен-ан Лэ, департамент Сена и Уаза) обеспечивал сырьем Дельпона, подрядчика по поставке военных фуражек. Этому же подрядчику дистрикт Лилль выделял из реквизиций оливковое масло, дистрикт Шартр отправлял кожу кожевнику Дюпону в Париже, департаменты Па-де Кале и Нор по требованию администрации поставляли жир для смазывания оружия. Дистрикт Гренобль изготовлял для дистрикта Аннеси саржу в количестве, необходимом для подкладки на 200 мундиров⁵⁸. Для снабжения кожевников Восточных департаментов, обеспечивавших сырьем шорников, обязанных снаряжать кавалерию рейнской и мозельской армий, Комиссия продовольствия распорядилась реквизировать все дубы старше 20 лет для поставки им дубовой коры. Были также реквизированы оливковое масло, жир, обезжиривающие вещества в департаментах Мерт, Мозель, Нижний Рейн, Вогезы, Верхняя Сона для кожевенного производства. П.Эрве, шорник из Парижа, получил право купить у торговцев в Париже 300 фунтов венгерской кожи⁵⁹. По просьбе дистрикта Баньер (департамент Верхние Пиренеи) дистрикт Аржелес, выполняя приказание Ко миссии, заготавливал 160 квинталов шерсти для суконных мануфактур в Баньере⁶⁰.

Получив известие, что мануфактура в Сен-Флур, изготавливающая ящики для хранения зарядов, нуждается в железе, Комиссия реквизировала продукцию железодельного завода в Невере⁶¹. По требованию администрации обмундирования были реквизированы холст, сукно, пенька, холщевые мешки⁶². Особенно строгому контролю и регулярным реквизициям подвергались центры, широко пользовавшиеся помощью государств. Когда сапожники Монтобана потеряли из-за войны рынок импортной кожи в Бордо, Комитет разрешил муниципалитету города реквизиции кожи у мясников, обслуживающих армию в Перпиньяне. Комиссия продовольствия потребовала от муниципалитета Монтобана предельно поднять кожевенное дело. Были созданы новые центры по отправке в Монтобан сырья — кожи, жира, дубовой коры, и налажена перевозка готовой продукции. Поддерживая в Монтобана кожевников, правительство подчинило эту отрасль контролю Комитет возлагал на муниципалитет города учет кожи и осуществление реквизиции. По распоряжению комиссара Конвента Пине все изделия сапожников дистриктов в округе армии Западных Пиренеев подлежали реквизиции.

Выделанная дубильщиками Монтобана кожа покупалась государством и перевозилась для хранения на национальный склад. В начале II года в связи с под готовкой к весеннему наступлению на фронте реквизиции в дистрикте Монтобан проводились особенно часто.

Революционное правительство не ограничилось только контролем над промышленностью и снабжением сырьем предпринимателей Оно национализировало некоторые заводы, а сборка ружей, пистолетов была национализирована полностью

Убежденный сторонник частной инициативы Л.Карно все же был вынужден признать, правда, с большими оговорками, целесообразность этих шагов правительства В сентябре 1793 г. он писал Лежандру по поводу национализации ружейных мастерских: «Вы говорите, что не одобряете национальные предприятия... Мы так поступаем не потому, что это источник большого процветания, а чтобы избежать воровства. Если бы не воровство и хищение, мы бы очень скоро покончили с национальными мастерскими»⁶⁴.

Парижские национальные оружейные мастерские превратились в главный арсенал республики. Признавая широкое распространение национальных мануфактур, Карно отмечал «Центром национальных мастерских является Париж, но от него отходят ответвления во все части республики Сырье и заготовки прибывают из всех департаментов»⁶⁵. Производство национальных мануфактур возросло в течение всего II года. В мессидоре было собрано 10483 ружья, в термидоре 13110 и во фрюктидоре 18606⁶⁶.

Сколь была велика роль национальных мануфактур в производстве ружей, видно из доклада Гитона Морво в Конвенте в III году, когда усилились требования термидорианцев их ликвидации и передачи частным владельцам. Докладчик, в частности, сообщил, что, несмотря на трудности в снабжении сырьем, национальные мастерские в Париже поставили с фримера II года по нивоз III года 145630 ружей и пистолетов⁶⁷. Из многих мест в Конвент поступали сведения о том, что предприятия, владельцы которых эмигрировали или оставили свои фабрики в бездействии, национализированы местными властями. В департаментах Шер, Алье, Ньевр, Верхняя Сона, Кот д'Ор и Верхняя Марна, а также в про винциях, расположенных недалеко от Парижа, были переданы в руки нации многие железоделательные заводы⁶⁸. Вместе с тем революционное правительство широко обращалось и к частным предпринимателям. К.Ришар в работе, посвященной военному производству в период революции, рассказывая о большой роли в нем национальных мануфактур, отмечает, что Конвент в то же время покровительствовал и промышленникам⁶⁹. Революционное правительство не национализировало рудники и шахты, Комиссия вооружения и пороха помогала фабрикантам вновь создавать мануфактуры и восстанавливать старые предприятия. Во время якобинской диктатуры зарождаются новые отрасли производства и новые типы предприятий. Хорошо известно, что именно якобинский Конвент и его комиссары были сторонниками внедрения передовых технологических процессов. Правительство поддерживало мануфактуры, применявшие наиболее совершенные методы технологии. Примерами неутомимой деятельности комиссаров Конвента могут служить миссии Ж.Ромма, К.-Ж.Ферри, Э.Дейдье. В департаментах Дордонь, Шаранта, Верхняя Вьенна. Ж.Ромм на базе мелких предприятий создавал крупные заводы, связанные друг с другом Так, чугуноплавильные заводы прикреплялись им к определенному пушечнолитейному предприятию⁷⁰. К.-Ж.Ферри превратил предприятия, принадлежавшие до революции заводчику Оберто во Вьерзоне (департамент Эндр), в настоящий арсенал республики, вооружавший ее армии Э.Дейдье отличился энергичными мерами в промышленном центре Брейтель в департаменте Эр, где при его участии создавались новые литейные заводы⁷¹.

Быстрыми темпами расширялось литье пушек в департаментах Ньевр, Алье, куда Комитет направил в миссию Н.Пуэнта. В.С.Виргинский в обстоятельном исследовании о состоянии горно-металлургического производства Франции во второй половине XVIII в приводит данные о росте числа чугунолитейных заводов во II году. В конце 1793 г республика располагала четырьмя чугунолитейными заводами, к термидору действовало уже 16 заводов. Если учесть предприятия, пущенные в III год, но строительство которых началось в якобинский период, увеличение числа заводов будет еще более разительным. К III году в республике уже насчитывалось 30 крупных, хорошо оборудованных пушечнолитейных заводов⁷², многие из которых не были национализированы, их возглавляли предприниматели капиталистического типа.

Поборником расширения частного промышленного капитала выступал Л.Карно. Крупный военный деятель, прославившийся организацией обороны республики, он вначале занимал место в Конвенте среди Равнины и в борьбе Горы и Жиронды поддерживал последнюю. Подобно Ж.Камбону и Р.Ленде, Л.Карно был представителем крупной буржуазии, покинувшей Жиронду после того, как выявилась ее неспособность добиться решающих успехов в войне, и опасавшейся в связи с этим поражения республики. Считая жесткие меры необходимыми для отражения наступления коалиции, Карно перешел на сторону якобинцев, но его идеалы общественной жизни остались близкими к жирондистским. В разнородном якобинском блоке общее руководство социально экономической политикой принадлежало, бесспорно, робеспьеристам, но то обстоятельство, что непосредственно политическая власть находилась также в руках умеренных монтаньяров, таких, как Л.Карно, Ж.Камбон, Р.Ленде, не разделявших программы робеспьеристов, отчасти объясняет внутреннюю противоречивость социального курса якобинской диктатуры⁷³. Карно старался не допустить национализации мануфактур. Особенно он противился передаче в руки нации промышленных предприятия. По его инициативе Комитет отверг просьбу дистрикта Отен, где были расположены заводы Крезо, о национализации этого крупнейшего металлургического центра «Интересы республики и самого предприятия, — утверждал Карно в ответном письме администрации дистрикта Отен, — требуют мер, обратных предложенным Комитет будет руководствоваться лишь единственным принципом в этом отношении. Ни одно промышленное предприятие не должно содержаться за счет республики, необходимо, чтобы все были сданы в аренду»⁷⁴. Правительство отказалось национализировать пошивочные мастерские Монтобана и не дало согласия на организацию национальных мануфактур в Лионе Комитет отменил постановление местных властей о национализации плавильных печей в Эндре, в Альби и Сен-Жюери⁷⁵. Однако ограничительная тенденция ясно проступает в политике Комитета по отношению к промышленникам. Преследуя цель подчинить производство потребностям защиты республики от неприятельских армий, правительство регламентирует работу заводов, реквизирует готовую продукцию по твердым ценам, сдерживая стеснительными мерами свободу предпринимательства. Близость Рейнской армии побуждала Комитет заботиться о росте могущества заводов Крезо, первого арсенала республики Комитет назначил повышенный максимум на пушки, отлитые в Крезо, с учетом высокой стоимости отливки и угля, привозимого из отдаленных мест⁷⁶. Снабжая управляющего Крезо Рамю всем необходимым для производства, он в то же время реквизирует всю продукцию предприятия Крезо. Центр производства стали в Кленгантале был также поставлен под надзор правительства. В сентябре 1793 г. представитель К.-Ж.Ферри сообщил в Комитет о свертывании на нем производства оружия. Из-за продовольственного кризиса многие рабочие уходили в сельскую местность в поисках пропитания Комиссары при Рейнской армии пытались активизировать работ мануфактуры Комитет приказал Комиссии вооружения и пороха употребить все имеющиеся средства, чтобы утроить изготовление холодного оружия на этом предприятии⁷⁷.

Правительство регламентирует работу предприятия Дофине, одного из крупнейших центров промышленности, превратившегося благодаря мерам Конвента в центр снабжения армии в Альпах Комитет общественного спасения, Комиссия торговли и снабжения, комиссар Конвента Альбит, назначенный в апреле 1793 г в армию в Альпах и находившийся при ней до весны 1795 г., местные власти активно вмешивались в деятельность предприятия, следили за текстильной и кожевенной промышленностью, производили учет и реквизицию⁷⁸.

Мы уже говорили о том, что часть предпринимателей надеялась с помощью правительства наладить производство. Многочисленные петиции фабрикантов с просьбой помочь им в налаживании работы мануфактур, снабжении сырьем, обеспечении транспортом, доставке продовольствия рабочим говорят о том, что смягчение максимума отвечало их желанию использовать поддержку Комитета в своих делах⁷⁹. На примере шахты Литтри Ж.Лефевр показал, что спекуляция и обесценение бумажных денег делали невозможной ее работу. Управляющий шахтами Литтри Ноель постоянно прибегал к помощи муниципалитета и комиссаров Конвента, производивших реквизиции в его пользу. Судя по его отчетам, шахта увеличила разработку каменноугольных копей. Ее владельцы не несли убытков и даже получали некоторую прибыль. В отчете в июне 1794 г. Ноель заверял предпринимателей, что дела идут хорошо⁸⁰. В Монтобана пошивочные мануфактуры фабрикантов Ревелат, Рашу, находившиеся под наблюдением Комитета, работали интенсивно и обеспечивали армию всевозможной одеждой⁸¹.

Однако, несмотря на кажущееся благополучие тех отраслей, в восстановлении которых нуждалась республика, вся система регулирования задевала интересы собственников. Распределение государством сырья по низким ценам максимума не окупали потери фабрикантов, поскольку прибыль, которую они могли бы получить, сильно урезалась и ограничивалась реквизициями и максимумом. Упомянутый нами управляющий шахтами Литтри Ноель, получая помощь властей, в то же время старался всеми способами избегать максимума. Он неоднократно требовал повышения расценок на уголь и посылал петиции в Конвент, но Комиссия продовольствия и снабжения не удовлетворяла его просьб⁸². Недовольство Ноеля вызывалось тем обстоятельством, что условия производства не позволяли беспрепятственно увеличивать добычу угля. Отсутствие кредита исключало переоборудование шахт, нехватка рабочих рук, продовольственный кризис — все это создавало непреодолимые трудности в расширении дела. Сапожники дистрикта Изер жаловались на разорительность реквизиций: «Мы не являемся более, — писали они в Конвент, — хозяевами своего труда и продуктов и несем потери в деньгах, товарах, чтобы отдать реквизиции и оказать помощь насущным потребностям армии. Вознаграждением за наше рвение и покорность служит ужасная нищета, царящая в наших семьях». Подобные жалобы в провинции Дофине в мессидоре и термидоре множилось. В термидоре дубильщики Вьенны заявляли, что они разоряются, продавая государству за 72 ливра такое количество кожи, которое при благоприятных обстоятельствах, т.е. при покупке сырья и оплаты рабочим по максимуму, обходится в 91 ливр⁸⁴.

Владельцы мануфактур с враждебностью относились к максимуму, реквизициям еще и потому, что государство не обеспечивало их сырьем в достаточном количестве. Даже предприятиям Крезю, отличавшимся активностью, угрожала остановка из-за нехватки масла и жира⁸⁵. Недостаток сырья был одной из причин спада производства во многих отраслях промышленности⁸⁶.

На многих мануфактурах провинции Дофине дела шли плохо. Во Вьенне число ткачей сокращалось из-за нехватки шерсти и масла, и фабриканты в поисках сырья напрасно разъезжали по различным, порой отдаленным дистриктам. В Вуороне, Пеириусе, Пон-ан-Риане многие ткацкие фабрики прекратили производство или вырабатывали треть прежнего количества.

В Гренобле, Романе часть сапожников осталась без работы из-за отсутствия кожи. Бумажное производство переживало кризис, хотя правительство старалось его наладить. Для производства бумаги не хватало тряпья, мыла, квасцов, купороса⁸⁷. Комитет 12 жерминаля (1 апреля) запрашивал дистрикты о наличии тряпья и требовал дать сведения о запасах квасцов⁸⁸. Плавильные печи в Аллеваре не выплавляли металл с нивоза II года⁸⁹. Агент Комиссии продовольствия Фессер доносил в жерминале о трудностях снабжения армий Рейна и Мозеля ввиду отсутствия сырья для производства снаряжения⁹⁰.

Таким образом, в целом положение в промышленности было неустойчивым. Там, где отдельные предприятия как будто бы достигли известного прогресса и где существовали наиболее благоприятные условия для производства, революционное законодательство не позволяло фабрикантам довести его до желаемых размеров. Хотя максимум и реквизиции являлись причиной стесненного положения части промышленности, но лишь вмешательство правительства в экономику приостановило кризис, обострившийся к лету 1793 г. Только принуждением, с помощью реквизиций и террора, правительство добивалось исполнения максимума. Пусть реквизиции, даже будучи многочисленными, не могли охватить целиком всю промышленность, но их проведение имело решающее значение для республики.

Пока существовало революционное правительство, оно сдерживало падение курса бумажных денег⁹¹. Цены, несмотря на развитие подпольной торговли, поднимались медленно⁹². В условиях экономической свободы невозможно было бороться с инфляцией, усугубляемой военным временем. Падение курса бумажных денег привело к повсеместному исчезновению сырья и товаров широкого потребления, ибо производители отказывались продавать их за ассигнаты. Революционное правительство прибегло к политике регулирования экономики под давлением исключительной обстановки, в которой оказалась республика. Отрезанная от внешнего мира коалицией враждебных держав и потому рассчитывающая лишь на собственные ресурсы страна во главе с якобинским руководством в силу обстоятельств должна была пойти на контроль основных сфер экономической деятельности. Максимум и реквизиции зерна, регламентация торговли продуктами питания, введение карточек на хлеб в Париже и других крупных городах, а в ряде мест на сахар, мясо и другие продукты смягчили продовольственный кризис. После бунтов весной 1793 г. в связи с резким подорожанием бакалейных товаров до осени 1794 г. не возникало крупных продовольственных волнений⁹³. Принудительные меры якобинской диктатуры спасли армию республики, сражавшуюся на границах. Они разрешили проблему обеспечения ее продовольствием, вооружением, экипировкой. Именно благодаря системе регламентации промышленность могла удовлетворять потребности национальной обороны

С одной стороны, ослабив систему регулирования в вантозе II года, правительство не отказалось от контроля производителей посредством нормирования цен и распределения материальных ресурсов страны, а также национализации части отраслей промышленности, поставленных на службу национальной защиты. С другой стороны, поощряя в известной мере частную инициативу, оно неизбежно еще больше возбуждало желание торгово-промышленной буржуазии избавиться от государственного вмешательства в экономику. Позиции собственнических слоев укреплялись в результате подавления якобинцами стачек городских и сельскохозяйственных рабочих, протестовавших против установления твердых ставок, которые уменьшали в несколько раз их реальную зарплату. В последние месяцы якобинской диктатуры рабочий люд открыто выражал недовольство максимумом зарплаты⁹⁴. Антирабочая политика якобинцев вызывала отход от них плебейских элементов города и деревни. Следовательно, влияние «плебейского натиска» на якобинское правительство весной—летом II года ослабело.

Тем не менее эгалитаристская тенденция, присущая политике регламентации вплоть до 9 термидора, свидетельствует о том, что это влияние продолжало сказываться. Враждебность буржуазии к государственному регулированию экономики усиливалась социальным характером этой политики. Всеобщий максимум, на котором она покоилась, содержал в себе новое понимание массами собственности. Ведь якобинцы ввели максимум, руководствуясь не только соображениями государственной экономии, но и учитывая уравнивательные требования широких слоев населения, выразившие смутные устремления масс к социальному переустройству общества на более справедливых началах. После термидора Камбон характеризовал годы революции как время, «когда беспрестанно повторяли, что собственность не что иное, как право пользования»⁹⁵. Острые политики регламентации II года было направлено против имущей буржуазии. Несмотря на колебания и отступления, характерные для политики революционного правительства по отношению к верхушке буржуазии, его экономическая политика находилась в непримиримом противоречии с ее интересами. Установленные во II году максимальные цены лишали буржуазию права свободного владения имуществом, нарушая тем самым незыблемость принципа частной собственности. Реквизиции, уничтожив свободу конкуренции, мешали накоплению капиталов. Этот аспект социального законодательства якобинцев обусловил качественно новый этап, когда революция вышла за пределы «непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей»⁹⁶. Р.Левассер писал в воспоминаниях, что «в памяти буржуазии революционная эпоха запечатлелась как время господства максимума и принудительных займов»⁹⁷. Властное вмешательство якобинской диктатуры в свободное распоряжение собственностью направило революцию не только против феодальных классов, но и верхов буржуазии, в значительной степени отстранив их от политического и экономического руководства республикой. По словам В.И.Ленина, особенностью буржуазно-демократического переворота во Франции явилось то, что он был «проведен хотя бы в известной части активно революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию»⁹⁸.

Ограничительная политика якобинской власти по отношению к имущим слоям неизбежно порождала их растущее сопротивление. Буржуазия чувствовала, что отражение республиканской армией летом II года внутренней и внешней опасности упрочило новое право собственности, и тем настойчивее добивалась свободного и открытого владения своим достоянием. Недовольство деловой буржуазии принудительными мероприятиями якобинцев все заметнее проявлялось в Комитете земледелия и торговли Конвента. На его заседании в январе Госсман, возглавлявший Комитет, критиковал максимум, утверждая, что он наносит вред торговле и промышленности. Он призвал к возвращению к полной свободе в торговых и промышленных делах⁹⁹. При обсуждении в июле в Комитете проекта закона о восстановлении в Лионе торговли и промышленности, изготавливающей предметы роскоши, председатель Вилле высказался против каких-либо ограничений этой отрасли, заявив, что «свобода является душой торговли, без которой она погибнет»¹⁰⁰. Не решаясь прямо отклонить статьи проекта, регламентирующие продукцию и численность рабочих на каждом предприятии, он, однако, откровенно признал, что считает их препятствием для развития промышленности по изготовлению изделий роскоши, принесшей Лиону мировую славу¹⁰¹. Крупная торговая буржуазия протестовала против правительственного контроля над внешней торговлей. Коммерческое агентство в Бордо, возглавляемое негодником Грамоном, сообщало в Комитет общественного спасения, что революционное законодательство не позволяет развиваться внешней торговле. Купцы несут до 50% денежных потерь, выплачивая правительству в звонкой монете две трети выручки¹⁰².

Необходимость обращаться за разрешением об экспорте в Комитет и, как следствие этого, медлительность торговых операции раздражали купцов. В крупных морских портах негоцианты еще в термидоре II года не экспортировали все те товары, о которых шла речь в постановлении от 23 вантоза Бордоские купцы до декабря 1794 г дали аванс государству за право экспорта товаров всего на 5,3 млн ливров вместо предполагаемых по декрету 23 вантоза 20 млн¹⁰³.

Из разных концов страны депутаты, находившиеся в миссии в департаментах, писали в Комитет, что общее бедствие респб лики заключается в эгоизме собственников. Удручающим было впечатление Шадрона Руссо от поездки в Каркассон. По его мнению, в этом торговом городе господство эгоизма является самым пагубным злом¹⁰⁴. Комиссар Конвента Ноэль Пуэнт обвинял заводчика в Невере в укрывательстве большого количества железа с целью избежать его продажи по максимуму¹⁰⁵. В департаменте Арденны Р.Левассер в июле арестовал трех владельцев железодельных заводов, уличенных в поставках железа плохого качества¹⁰⁶. Нежелание буржуазии мириться с революционным режимом беспокоило Дюкенау, находившегося в армии Мозеля «Все убеждает меня в том, — писал он, — что умеренность и интрига торжествует как никогда в коммуне Мец»¹⁰⁷.

Наиболее динамичную часть собственников представляла новая буржуазия, разбогатевшая в годы революции на спекуляциях товарами и ассигнатами, на поставках в армию, а также на покупке и перепродаже национальных имуществ. В мае 1794 г Фусседуар в донесении Комитету из Кольмара осуждал буржуа этого города, превративших ассигнаты в объект наживы «Меня особенно огорчает, — писал он, — обесценение ассигнатов Я не могу скрыть от вас того факта, что знакомство с местными делами убеждает меня в том, что принятие обычных мер вряд ли сможет вернуть им утраченную стоимость. Эгоизм и алчность идут на всевозможные хитрости, чтобы избежать наказания по закону. В этом департаменте, — утверждал Фусседуар, — террор необходим как нигде в другом месте, нужно, чтобы революционный трибунал под страхом потери богатства удерживал состоятельных лиц от нежелания подчинить свои частные интересы интересам всей нации, а равнодушных заставил бы опасаться наказания и вынудил бы и тех и других вернуть доверие к ассигнату»¹⁰⁸. Вместе с тем эта собственническая стихия ускользала от контроля правительства, поскольку все ее операции строились на обходе революционного законодательства. В письме Комитету из Периге в мае Ж.Ромм указывал на бессилие революционного правительства перед активностью собственников «Ощущается острый недостаток продовольствия из-за плохого распределения и потому, что эгоизм и злонамеренность избежали до настоящего времени карающего правосудия»¹⁰⁹. Меруза, офицер полиции безопасности в Шербурской армии, с тревогой наблюдал за поведением собственников Кальвадосса: «В Кальвадоссе все основано на спекуляции, — сообщал он в июне из Гавра, — и накануне победы граждане интересуются, наступит ли завтра мир, так как от него ждут возвращения громадных доходов. Купец горд, суров к бедным и приносит жертвы, которые требует родина, только из страха, как бы у него не взяли больше. К закону о максимуме стали вообще плохо относиться и не исполняют его». Далее Меруза описывает спекуляции судовладельцев и торговцев кофе: «В Париж ежедневно экспортируются тюки с товарами и припрятываются там для спекуляции». Его донесение свидетельствует о нетерпеливом желании буржуазии освободиться от принудительных мер якобинской республики «Купцы, — подчеркивал Меруза, — требуют мира, чтобы стать знатью и благодаря своим громадным богатствам господствовать над всеми вместо высокомерной касты, бывшей источником всех наших бед»¹¹⁰.

Термидорианский переворот, совершенный в интересах буржуазии, положил конец управляемой экономике якобинцев. Хотя формально всеобщий максимум был отменен 4 нивоза III года (24 декабря 1794 г.), но судьба его была решена 9 термидора. В этот день потерпело неудачу восстание Парижской коммуны, поднятое робеспьеристами, и власть перешла к термидорианской буржуазии, сразу же начавшей наступление на демократическое законодательство якобинской республики. Крайняя неясность, запутанность политической обстановки в первое время после победы термидорианцев не могли надолго скрыть истинный смысл случившегося. Все больше прояснялась основная цель термидорианцев — возродить социальное и экономическое превосходство крупных собственников позднее их назовут «нотаблями». Через год это отчетливо прозвучит в речи Буасси д'Англа, заседавшего в Конвенте среди Равнины, по поводу проекта термидорианской конституции, обсуждавшегося в Конвенте 5 мессидора III года (23 июня 1795 г.): «Вы должны наконец гарантировать собственность богатых, — скажет он, — В стране, управляемой собственниками, царит социальный порядок, а та страна, где управляют люди, не имеющие собственности, находится в первобытном состоянии. Если вы предоставите неограниченные политические права людям, не имеющим собственности они установят таксацию, губительную для торговли и промышленности»¹¹¹. Буржуазия выступила против якобинской республики, ущемлявшей ее в правах и доходах, чтобы восстановить господство «нотаблей», гарантировавшее ей власть и полную экономическую свободу.

Е. В. Киселева

1 Лукин Н.М. Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период действия второго и третьего максимума; Борьба классов во французской деревне и продовольственная политика Конвента в период действия второго и третьего максимума. Лукин Н.М. Избр. труды. М., 1976. Т.1, Адо А.В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971.

2 Этот вопрос — часть общей проблемы о роли буржуазии во французской революции, наименее разработанный в ее историографии. (См. *Voies nouvelles pour l'histoire de la Revolution francaise: Actes du Colloque A.Mathiez — G.Lefebvre*. P., 1978). Опубликованный в 1909—1911 гг. труд Е.В.Тарле «Рабочий класс во Франции в эпоху революции» (Соч. М., 1957. Т.2) до сих пор остается самым фундаментальным по богатству собранного в нем документального материала об экономической обстановке II года республики. В нем дана широкая картина состояния промышленности в предреволюционные и революционные годы. Однако в максимуме и реквизициях ученый увидел лишь одну сторону, утверждая, что они послужили основной причиной разорения промышленников. В более поздней работе «Жерминаль и прериаль» (1937; 1951) (Соч. М., 1959. Т.6) Е.В.Тарле признал положительное значение законодательства о максимуме, отмечая, что оно спасло население городов от голода и позволило обеспечить всем необходимым армию республики.

3 Щеголев П.П. После термидора: Очерки термидорианской реакции. Л., 1930; Фридлянд Г.С. 9-е термидора. Историк-марксист. 1928. Т.7.

4 Лукин. Н.М. Революционное правительство и сельскохозяйственные рабочие в период действия второго и третьего максимума; Он же. Ленин и проблема якобинской диктатуры Избр. труды. М., 1960. Т.1; Добролюбовский К.П. Экономическая политика термидорианской реакции. Л., 1930; Дунаевский В.А. Изучение западноевропейских и американских буржуазных революций XVIII—XIX вв. и Парижской Коммуны Советская историография новой истории стран Запада, 1917—1941. М., 1974; Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983; Адо А.В. Крестьянское движение... Он же. К вопросу о социальной природе якобинской диктатуры Новая и новейшая история. 1972. № 1; Алексеев-Попов В.С, Баскин Ю. Проблемы истории якобинской диктатуры в свете трудов В.И.Ленина Из истории якобинской диктатуры, 1793—1794. Одесса, 1962; Далин В.М. Изучение Великой французской революции в СССР Историки Франции XIX—XX веков. М., 1981.

5 Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции: Якобинская республика и ее крушение. Л., 1983. С.145, 172.

6 Mathiez A. La vie chere et le mouvement social sous la terreur. P., 1927; см. рус.пер.: Матьез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М.; Л., 1928. С.433, 457—458.

7 Lefebvre G. Les mines de Littry (1744-an VIII); Le commerce exterieur en Pan II Etudes sur la Revolution francaise. P., 1963.

8 Soboul A. La le Republique, 1792—1804. P., 1968; см. рус. пер.: Собоуль А. Первая республика. М., 1974. С. 137, 174—177.

9 Гордон А.В. Роль парижских секций и их Центрального революционного комитета в восстании 31 мая—2 июня 1793 г. Французский ежегодник, 1963. М., 1964.

10 Известный английский историк-марксист, исследователь народных движений XVIII в. Дж.Рюде характеризует всеобщий максимум 1793 г. как «важную стадию между ограниченным регулированием при Старом порядке и всеобъемлющим государственным руководством экономикой в будущем» (Rude G. The crowd in history: A study of popular disturbances in France and England, 1730—1848. N.Y , 1964; см. рус. пер.: Рюде Дж. Народные низы в истории, 1730—1848. М., 1984. С.131).

На наших сайтах главы книги:

[Французская революция](#)

[Народные низы в истории. Лики толпы. Характер и поведение. Победы и поражения](#)

[Народные низы в истории. Идеология и классовое сознание. Идеология народного протеста](#)

11 Labrousse C.-E. La crise de l'economie francaise a la fin de l'ancien regime et au debut de la revolution. P., 1944. T.1. P.XXII.

12 Soboul A. Histoire de la Revolution francaise. P., 1962. T.1. P.342.

13 Ligou D. Montauban: A la fin de l'ancien regime et au debut de la revolution, 1787—1794. P., 1958. P.373.

14 Reimpression de l'ancien Moniteur. P., 1854. T.18. P.321 (далее: Moniteur).

15 Ibid.

16 Mautouchet P. Le gouvernement revolutionnaire. P., 1912. P.198.

17 Экономические меры Конвента весной 1794 г. получили в литературе название третьего максимума. Первый максимум был введен 4 мая 1793 г. (он устанавливал единые твердые цены на зерно и муку); второй всеобщий максимум — 29 сентября.

18 Aulard A. Recueil des actes du Comite de salut public avec la correspondance officielle des representants en mission et le registre du Conseil executif Provisoire publ. par F.-A. Aulard. In: 28 t. P., 1895. T.8. P.36.

19 Mathiez A. Etudes sur Robespierre. P., 1958. P.222.

20 Archives parlementaire de 1787 a 1860. Ser.1: 1787—1799. P., 1911. T.78. P.143—145, 150—151 (далее: AP).

21 Ibid. 1965. T.86. P.723.

22 Journal des debars et des decrets. 28 germinal (17 avril 1794). P.458.

23 Schmidt Ch. Le commerce: Instruction Recueil de textes et notes. P., 1912. P.181.

24 Ibid. P. 203 (12 флореаля, 1 мая).

25 Aulard A. Op. cit. 1899. T.11. P.670.

26 Ibid. T.12. P.123—124.

27 Schmidt Ch. Op.cit. P.181—182.

28 Lefebvre G. Le commerce exterieur en l'an II P.259.

29 Schmidt Ch.Op. cit. P.195 (11 жерминаля, 31 марта); Carriere Ch. Le probleme des grains et farine a Marseille pendant la periode du maximum Structures sociales et problemes economiques, 1787—1798. P., 1958. P.181.

30 О политике Комитета общественного спасения по отношению к странам, не примкнувшим к коалиции, см.: Нарочницкий А.Л. Робеспьеровский Комитет общественного спасения и нейтральные страны с осени 1793 г. до раскола среди якобинцев Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. М., 1964. Т.2, № 6; Он же. Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г. Вопр.истории. 1945. № 3—4.

В нашей библиотеке:

[А.Нарочницкий. Робеспьеровский Комитет общественного спасения и нейтральные страны с осени 1793 г. до раскола среди якобинцев](#)

[А.Нарочницкий. Якобинская республика и нейтральные государства летом 1793 г.](#)

- 31 AP. T.86. P.341.
- 32 Mathiez A. La vie chere et le mouvement social sous la terreur. P.22.
- 33 Gerbaux F., Schmidt Ch. Proces-verbaux des comites d'agriculture et de commerce de la Constituante, de la Legislative et de la Convention. In: 4t. P., 1901—1910. T.4. P.310, 323, 336, 343—345, 358, 369, 393, 401.
- 34 Leon P. La naissance de la Grande Industrie en Dauphine (tin du XVIIe siecle — 1869). P., 1954. T.L. P.339.
- 35 Aulard A. Op.cit. 1899. T.12. P.622.
- 36 Gerbaux F., Schmidt Ch. Op.cit. T.4. P.393—396.
- 37 Caron P. Le maximum general: Instruction Recueil de textes et notes. P., 1930. P.78.
- 38 Aulard A. Op. cit. 1901. T. 14. P. 740 (17 мессидора, 5 июля).
- 39 Ibid. P.133 (15 прериалея, 3 июня).
- 40 Ibid. 1900. T. 13. P. 532 (26 флореалея, 15 мая).
- 41 Ibid. T.14. P.284 (25 прериалея, 13 июня).
- 42 Caron P. Le maximum general. P.84, 88.
- 43 Aulard A. Op.cit. T.14. P.587 (11 мессидора, 29 июня).
- 44 Caron P. Le maximum general. P.73.
- 45 Moniteur. P., 1854. T.19. P.553.
- 46 Paris pendant la terreur Rapports des agents secrets du ministre de l'Interieur. publ. par P.Caron. P., 1964. T.4. P.188.
- 47.Schmidt Ch. Op.cit. P.205 (18 флореалея, 7 мая).
- 48 Ibid. P.207 (11 прериалея, 30 мая).
- 49 Ibid. P.203—204.
- 50 Autard A. Op.cit. T.11. P.671.
- 51 Schmidt Ch. Op.cit. P.211 (27 мессидора, 15 июня).
- 52 Journal des debats et des decrets 28 germinal (17 апреля 1794) P 426
- 53 Тарле Е В Рабочий класс во Франции в эпоху революции С 444
- 54 Aulard A. Op.cit. T.12. P.485—486 (20 жерминалея, 9 апреля).
- 55 Ibid 1901 T 14 P 577 (10 мессидора, 28 июня).
- 56 Ibid 1900 T 13 P 532 (26 флореалея, 15 мая).
- 57 Leleuvre G. Etudes orleanaises. P., 1963. T.2. P.313.
- 58 La Commission des subsistences de l'an II. Proces verbaux et actes publ par P.Caron. In 2t. P., 1924—1925. T.2. P.587—588.
- 59 Ibid. P.560—561, 588.
- 60 Ibid. P.545.
- 61 Ibid. P.556.
- 62 Ibid. P.539, 548, 626.
- 63 Ligou D. Cuir et chaussures a Montauban en l'an II. Structures sociaux et problemes economiques, 1787—1798. P., 1958. P.81—82, 96.
- 64 Correspondance generale de Carnot. Publ. par E.Charavay P., 1847. T.3. P.103—104.
- 65 Richard C. Le comite de salut public et les fabrications de guerre sous la terreur. P., 1922. P.102.
- 66 Ibid.
- 67 Ibid. P.104.
- 68 См. Виргинский В.С. Горно-металлургическое производство Франции во второй половине XVIII века. Труды Ин-та истории естествознания и техники. История металлургии. М., 1958. Т.20. С.281—282.
- 69 Richard C. Op.cit. P.25.
- 70 См. Виргинский В.С. Указ.соч. С.275—279.
- 71 Заводы во Вьерзоне были национализированы осенью 1793 г., но затем Комитет передал их в аренду крупным заводчикам, братьям Бриер. См. Там же. С.268—272
- 72 Там же. С.264 272—275, 279.
- 73 Об острых стычках Робеспьера, Сен Жюста с Карно см. Нарочницкий А.Л. Вопросы войны и мира в политике якобинцев накануне 9 термидора. Международные отношения. Политика Дипломатия. М., 1964. О разногласиях Ж.Камбона с робеспьеристами см. Коротков С.Н. Буржуа-монтаньяр в революции взгляды и деятельность Жозефа Камбона. Политические деятели античности, средневековья и нового времени Л., 1983.

- 74 Richard C. Op.cit. P.329.
- 75 Aulard A. Op.cit. T.12. P.583 (25 жерминаля, 14 апреля).
- 76 Ibid. T.14. P.284 (25 прериала, 13 июня).
- 77 Richard C. Op.cit. P.178.
- 78 Leon P. Op.cit. P.318—333.
- 79 Gerbaux F., Schmidt Ch. Op.cit. T.4. P.336, 350, 351, 358, 367, 380, 381, 383.
- 80 Lefebvre G. Les mines de Littry. P.178-180.
- 81 Ligou D. Montauban. P.593—594.
- 82 Lefebvre G. Les mines de Littry. P.181—182.
- 83 Leon P. Op.cit. P.340.
- 84 Ibid.
- 85 Richard C. Op.cit. P.335.
- 86 Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. С.450.
- 87 Leon P. Op.cit. P.341, 342, 346.
- 88 Caron P. La commission des subsistances. T.2. P.599—601.
- 89 Leon P. Op.cit. P.346.
- 90 Caron P. La commission des subsistances. T.2. P.560.
- 91 В августе 1793 ассигнаты составляли 22% своей номинальной стоимости. После введения в сентябре максимума к декабрю они поднялись до 48% стоимости. С января 1794 г ассигнаты падали в цене сравнительно медленно в январе стоили 40% стоимости, в марте—апреле — 36, в июле — 31% См. Caron P. Tableaux de depreciation du papier monnaie. P.s. а P.LII.
- 92 Собоуль А. Указ.соч. С.175.
- 93 Рюде Дж. Указ.соч. С.127.
- 94 Кан С.Б. Парижские рабочие в революции 1789—1794. Историографический обзор. Вопр.истории. 1956 № 1, Захер Я.М. Плебейская оппозиция в Париже накануне 9 термидора. Новая и новейшая история. 1962. № 5.
- 95 Moniteur. 1854. T.22. P.425.
- 96 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.17. С.7.
- 97 Levasseur R. (de la Sarthe) Memoires. Bruxelles. 1832. T.4. P.24.
- 98 Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.9. С.217. Т.22. С.302.
- 99 Gerbaux F Schmidt Ch. Op.cit. T.4. P.306—308.
- 100 Ibid. P.394.
- 101 Ibid. P.395—396.
- 102 Lefebvre G. Le commerce exterieur. P.263.
- 103 Bordeaux au XVIIIe siecle Sous la collaboration de P.Becamps, F.Crouzet, L.Desgraves, R.Pijasson et J.P.Pousson. Bordeaux, 1968. P.489, 490.
- 104 Aulard A. Op.cit. T.12. P.336—337 (17 флореаля, 6 мая).
- 105 Ibid. 1903. T.15. P.156 (25 мессидора, 13 июля).
- 106 Ibid. P.173—174.
- 107 Ibid. 1900. T.13. P.304 (16 флореаля, 5 мая).
- 108 Ibid. P.754, 455 (6 прериала, 25 мая 22 флореаля, 11 мая).
- 109 Ibid. P.680 (3 прериала, 22 мая).
- 110 Correspondance de M. et A.Robespierre. Recueillee et publ. par G.Michon. P., 1926. T.2. P.304-305.
- 111 Moniteur. 1854. T.25. P.92.